

ВАРЯГ

Варяг
Место для битвы
Князь
Герой

Язычник
Княжья Русь
Государь
Богатырь
Обережник
Княжий человек

Павел
МАМОНТОВ

КНЯЖИЙ ЧЕЛОВЕК

ВАРАГ

АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М22

Разработка серийного оформления *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *В. Петелина*

Мамонтов, Павел Александрович.

М22 Княжий человек / Александр Мазин, Павел Мамонтов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Викинг).

ISBN 978-5-699-95986-0

Данила Молодцов, пришелец из нашего времени, во времена Древней Руси сумел не только выжить, но и стать воином. Теперь его путь лежит на юг, в Киев, где правит стольный князь Владимир. Данила — охранник-обережник купеческого каравана, чей путь лежит по дорогам, волокам и рекам, мимо лесов и болот, где разбойные ватаги — далеко не самые опасные враги. Но если рядом верные друзья, батька дружины и любимая девушка, то и дорога веселей, и враги уже не кажутся неодолимыми.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95986-0

© Мазин А. В., Мамонтов П. А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА 1

Трудности судоходства

По серо-зелёным водам Ловати, разлившейся вширь от майских ручьёв, били вёсла сотен наскоро сделанных кораблей-однодеревок, уверенно плывших против течения. На большинстве из них стояли паруса — ветер благоприятствовал и гнал кораблики купцов, охотников и просто искателей приключений к волокам, через которые лежал путь на Юг, к стольным и богатым городам Киеву, Вышгороду, Чернигову.. Однодеревки и сами по себе служили товаром — на далёком Юге их пустят на полезные постройки. А вот товары, что они несли на борту — богатства Севера: меха, воск, кость — сулили несметную прибыль тому, кто сумеет их доставить и продать на изобильных и шумных ярмарках Великого торгового пути «из варяг в греки».

Среди них плыли и полтора десятка кораблей видного купца Путяты Жирославовича, а на одном из принадлежавших ему судов работал вёслами Данила Молодцов, парень двадцати шести лет, кудрявый, светловолосый, с чуть темноватой бородкой, одетый в ту же одежду, что и прочие гребцы, но... чужой. Чуждый всему здешнему окружению и обычаям.

Год назад он вполне беззаботно собирался отмечать день рождения друга и по неведомой причине вдруг оказался в совершенно незнакомом мире далёкого прошлого, где ничего не умеющий чужак, по всем правилам и законам, должен был замёрзнуть где-нибудь в хлеву, закованный в колодки. Но Данила, неожиданно в первую очередь для себя, умудрился выжить. И более того — стать своим в компании смелых и отважных ребят. Его приняла в своё дружное братство ватага обережников — купеческих охранников под командованием неимоверно крутого батьки, варяга Воислава Игоревича.

Оглядываясь назад, в своё недавнее прошлое сразу после необъяснимого путешествия в мир средневековья, Данила понимал, что просто не мог выжить. То, что он сейчас сидит на лодке и гребёт, а в сундуке лежит упрятанный подальше от влаги меч — *его меч!* — не меньшее чудо, чем поразительное перемещение из века двадцать первого в век десятый.

Чудо, конечно, чудом и останется, но без новых друзей — Шибриды, Клека, Скорохвата и самого батьки Воислава, который во многом по доброте душевной на пристани Бродова взял лоха-неумеху в свою команду, — не вдыхал бы сейчас Молодцов дивный воздух русского северо-запада. И тем больнее было вспоминать тех обережников, с которыми он успел подружиться, но которые не пережили последний год.

— Слева! — раздался крик Шустрика.

Молодцов, не переставая работать, повернулся на звук.

М-да... Речка, конечно, не была так плотно заставлена судами, как автотрасса машинами в пробку, но лодок на ней тоже хватало. Данила в пределах видимости мог насчитать десятка три, не меньше. Иногда расстояние между ними сокращалось до одного-трёх корпусов, а это была уже опасная близость.

Он грёб на двухвёсельной однодеревке на пару с Клеком, у руля стоял опытный Шибрида (река в половодье бывает не менее опасна, чем волнующееся море), вперёд смотрящим был челядин Шустрик, а за ним, подобрав ножки под пёстрой рубахой, сидела Улада и вышивала.

Вереница кораблей Путяты растянулась километров на пять, первые уже скрылись за поворотом Ловати. Однодеревка Шибриды, как одного из самых опытных кормчих, замыкала колонну. Все лодки плыли, стараясь держаться ближе к берегу, где течение было послабее, но вот коллеги по бизнесу по левую сторону на своих трёх однодеревках вылезли на самый стрежень. То ли обогнать решили и прийти к волокам раньше всех, то ли просто пиво в голову ударило, но эти придурки нашли себе приключения — и на голову, и на другое место.

С течением они явно не справлялись, да ещё ветер подул такой противный, восточный, так что лодки торопливых купцов стало разворачивать — и прямо на суда бережников.

— Чего эти полудохлые тюлени телепаются? Поворачивать надо лодку и идти по течению. У, бескостные слизни, — выругался Шибрида.

— Может, в воронку попали? — предположил Клек, не переставая работать вёслами.

Оба двоюродных брата были похожи как два перста и выглядели чистыми скандинавами: выступающие брови, круглые скулы, мощные челюсти, рыжие густые волосы, голубые глаза. Судя по отчеству Сигаровичи, их отец был викингом по имени Сигар, что означало «воин победы», нурманом или сеем по крови. Данила один раз и вовсе слышал, как Вуефаст, второй воин после Воислава и главный кормчий команды, называл их необычными именами: Клак и Зигфрид. Выходило, что Шибрида и Клек — это переделанные на словенский манер скандинавские имена. Но братья считали себя не скандинавами или викингами, а варягами! Поэтому бороды они сбрасывали начисто и носили только длинные усы, доходившие до подбородка.

— Или водяной балует! — пискнул Шустрик.

— Никшни, — уронил Шибрида; но задумался.

Клек тоже молчал, он мог сказать только то, что его брат и так знал. На взгляд Данилы, вариантов было три.

Первый — бросать якорь и тормозить. Однако течение их тоже могло подхватить и выбросить на отмель. Сами они останутся невредимыми, но товар!.. Меха от воды испортятся, а это такие деньжищи! Данила в прошлой жизни пытался быть коммерсантом. Если сравнить цены прошлого и будущего, то в однопалубке они везли груз равный стоимостью если не танкеру с нефтью, то уж солидной барже, гружённой цветметом, точно.

Вторым вариантом было налечь на вёсла и постараться обогнать косоруких лоцманов. При таком ветре и течении задача была непростая, да и риск столкновения оставался, но уже на большой воде.

Третий вариант — поменять курс и попытаться уклониться от потерявших управление однодеревок, с тем же переменным риском, что и во втором варианте.

До вертевшихся на реке лодок оставалось уже меньше перестрела, метров примерно сто пятьдесят — Данила уже начал привыкать считать расстояния в древних мерах длины.

— Крепи! — закричал Шибрида, он принял решение.

Оба обержника упёрлись ногами в палубу, прижали рукояти вёсел, зафиксировав их в положении под водой. Набравшая скорость однодеревка начала замедляться — и практически сразу её стало разворачивать по течению.

— Правый — табань, левый — стой! — крикнули с кормы.

Данила поднял весло, а Клек, мгновенно повернувшись на скамье, стал быстро выгребать, отчего нос лодки тут же развернуло к середине реки.

— Оба, гребите!

Клек вернулся в предыдущее положение, и они с Данилой слаженно вспенили вёслами воду Ловати. Течение и старания обержников быстро разогнали однодеревку до приличной скорости, теперь она быстро уходила с курса кружившихся на воде лодок. Но их всё равно несло за ней, будто привязанных. Шибриде тоже особо поманеврировать не

удавалось, впереди из Новгорода по Ловати шли нескончаемым потоком десятки и десятки одинаковых однодеревок. Чуть зазеваешься — не миновать беды. Впрочем, кормчие на встречных лодках видели ситуацию и старались давать дорогу уходящим от столкновения.

Данила то и дело поглядывал на Уладу. Та, умница, подвернула подол, сапожки и другое имущество собрала в небольшую котомку, которую закинула за спину, — в общем, готовилась к худшему. Эх, не хотелось бы вот так, по-глупому, опрокинуться.

Тем временем одна из лодок успешно влетела на мель, да так, что часть экипажа вылетела в воду от резкой остановки. Вторую прибило к затопленному берегу, поросшему густым лесом. Около берега из воды шипами торчали ветки. Судя по тому, как шустро принялись гребцы забрасывать свёртки с мехами на голые кроны деревьев, никто серьёзно не пострадал.

Ну а третью лодку как раз несло на однодеревку обережников. По закону подлости именно в этот момент на стрежень на своих плавсредствах вылезла другая группа лоцманов-недоумков, так что Шибрида вынужден был отвернуть и потерять ещё в скорости.

Данила посмотрел на приближавшуюся посудину и понял, что столкновение неизбежно. До неё оставалось метров пять, было хорошо видно, что экипаж её занят бессмысленной суетой, а один из его членов с воем прижимает ладони к лицу.

— Даниил, за багор! — рыкнул Шибрида и командным боевым голосом крикнул тем, кто плыл на

соседней лодке: — Правый — табань, левый — крепи! Правым — табань, левым — крепи, забери вас Хель!!!

Молодцов едва успел поднять багор, как сразу пришлось пустить его в ход. Они вместе с Клекком — тот вытащил весло из уключины — вогнали своё «оружие» в борт приближавшейся однодеревки, упёрлись ногами в днище судна, замерли в предельном напряжении, словно в строю. Обе однодеревки соединились, сцепились, будто намертво, — и стали закручиваться уже вдвоём.

Шибрида ногой открыл крышку сундука на банке, не отпуская кормило, вытащил оттуда меч. Воздел его к небу.

— Правый — крепи, левый — табань! — закричал он. — Перуном клянусь, если вы, безмозглые собаки, отрыжки дохлых коз, нас опрокинете, я каждому вскрою его гнилую требуху и заставлю сожрать! Молниерукий со мной!!!

От последнего крика варяга даже Даниле стало не по себе, а уж тем, к кому он был обращён, и подавно. Мотивирующая речь Шибриды возымела своё действие: на лодке зашевелились, забегали, сели на вёсла, и посудина стала замедлять вращение.

— Даниил, на скамью! Табань! Брат, держи весло.

Молодцов тут же выполнил команду, сел как положено и что есть сил стал выгребать. Среди всей этой кутерьмы ему в голову полезли глупые мысли о том, что теперь он может работать и смотреть на Уладу, которая вольготно устроилась на носу рядом с Шустриком. Заметив взгляд Данилы и словно уга-

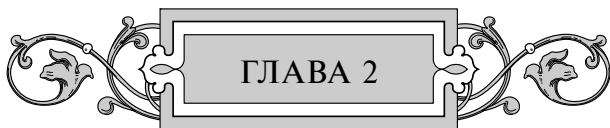

дав его мысли, она подмигнула. Молодцов улыбнулся в ответ.

Меж тем его усилия не пропали даром: однодеревки разошлись дальше чем на длину весла, Клек тут же уселся на скамью и стал вместе с Данилой разгонять лодку.

— Оба гребите! — крикнул Шибрида, поворачивая кормило, когда расстояние между двумя судёнышками увеличилось метров до тридцати.

Данила не без сожаления развернулся на сто семьдесят градусов. Их однодеревка ложилась на верный курс.

ГЛАВА 2

Улада

Лодка, ведомая уверенной рукой Шибриды, легко прошла кривую излучины и вышла на прямой участок реки. На оставшихся кораблях Путяты её заметили и поприветствовали радостными криками, экипаж однодеревки не остался в долгу — приятно, когда за тебя переживают, — но от работы не отвлекся. Данила ритмично грёб вёслами в такт с Клеком, слушая плеск воды по бортам и то, как Улада тихо напевала что-то за спиной.

Отчаянно тяжёлой работы — гребли против течения, перетаскивания кораблей через волоки и прочего — предстояло ещё минимум дней десять. Даниле было нелегко, но за прошлый год он уже успел достаточно натренироваться. Тогда они плыли вверх по Днепру на главном корабле Путяты, семипарной «Лебёдушке», и вращать приходилось настоящее корабельное весло. Молодцов и тогда справился, тем более работал он не один — вместе с ним на скамье грёб обержник Ждан. С ним Данила за несколько месяцев путешествия по-настоящему сдружился.

Ждан погиб этой зимой, во время стычки с нурманами, осадившими заимку охотника Завида, где остановились купцы со своей охраной. Страшная была битва. Эх... Ждан, Ждан, пусть тебе будет хорошо в Ирии, куда ты наверняка попал по праву. А Данила выжил.

И теперь, после лады, вёсла однодеревки ему казались всё равно что тростинки. Он вообще очень многому научился за прошлый год: варить на огне съедобную кашу без соли, штопать одежду и собственную шкуру при надобности, плотничать и ещё много чего другого делать. Это не считая основных навыков — строевого боя и умения фехтовать мечом.

Данилу не просто взяли в ватагу, а взялись *обучать* воинскому искусству. И всё благодаря просьбе кузнеца Вакулы, приходившегося близким другом Воиславу. Чем Вакула был обязан Молодцову — отдельная история.

Умение обращаться с холодным оружием и работа вообще с любым оружием, наука быть воином — вот что являло собой настоящее сокровище. Ради этого Данила был готов терпеть все трудности и неудобства своего нового дома. Жизнь воина меняла что-то важное внутри него, делала его по-настоящему сильнее, лучше. Неизвестно, правда, была ли это в большей степени заслуга самого новоиспечённого обережника, или за это надо было благодарить учителей: варягов Воислава, Клека, Шибриду, южанина Скорохвата, новгородца Будима, Жаворонка и других обережников, с которыми Данила уже бился в одном строю плечом к плечу.

Но не только из-за умения выпустить кишки ближнему своему, несмотря ни на что, Даниле приглянулся новый мир. Было в нём ещё кое-что — вполне явная, осязаемая настоящность... Настоящая природа, настоящее, подлинно важное дело, настоящее оружие, настоящие друзья. И даже настоящие враги — чтоб их! — вызывающие уважение. Каждый из купеческих охранников был готов, в случае надобности, встать горой за Молодцова, и Данила, ни секунды не медля, готов был ответить им тем же.

И кроме этого Данила узнал, что такое настоящие отношения... Нет, мерзкое слово. Пусть будет — настоящая близость. Он оглянулся на свою спутницу, пожелавшую отправиться с ним в далёкое путешествие. Слово почувствовав его взгляд, Улада оторвалась от вышивки, вопросительно посмотрела на него своими потрясающими карими глазами. Честными, доверчивыми и порочными одновременно. Руки девушки, как всегда, были заняты каким-то рукодельем. Данила ни разу не видел её бездельничающей. Тёмно-русые волосы были заплетены в толстую косу — причёска незамужней девушки, как уже знал Молодцов. Голову украшал замысловатый убор: широкая полоса ткани, щедро расшитая бисером и цветными нитками, украшенная стёклышками и бусами. К этой обвязке и к самим волосам на висках Улада умудрялась прикреплять затейливые кольца из серебра. Большие серьги её тоже были изготовлены отнюдь не из меди. В целом всё смо-